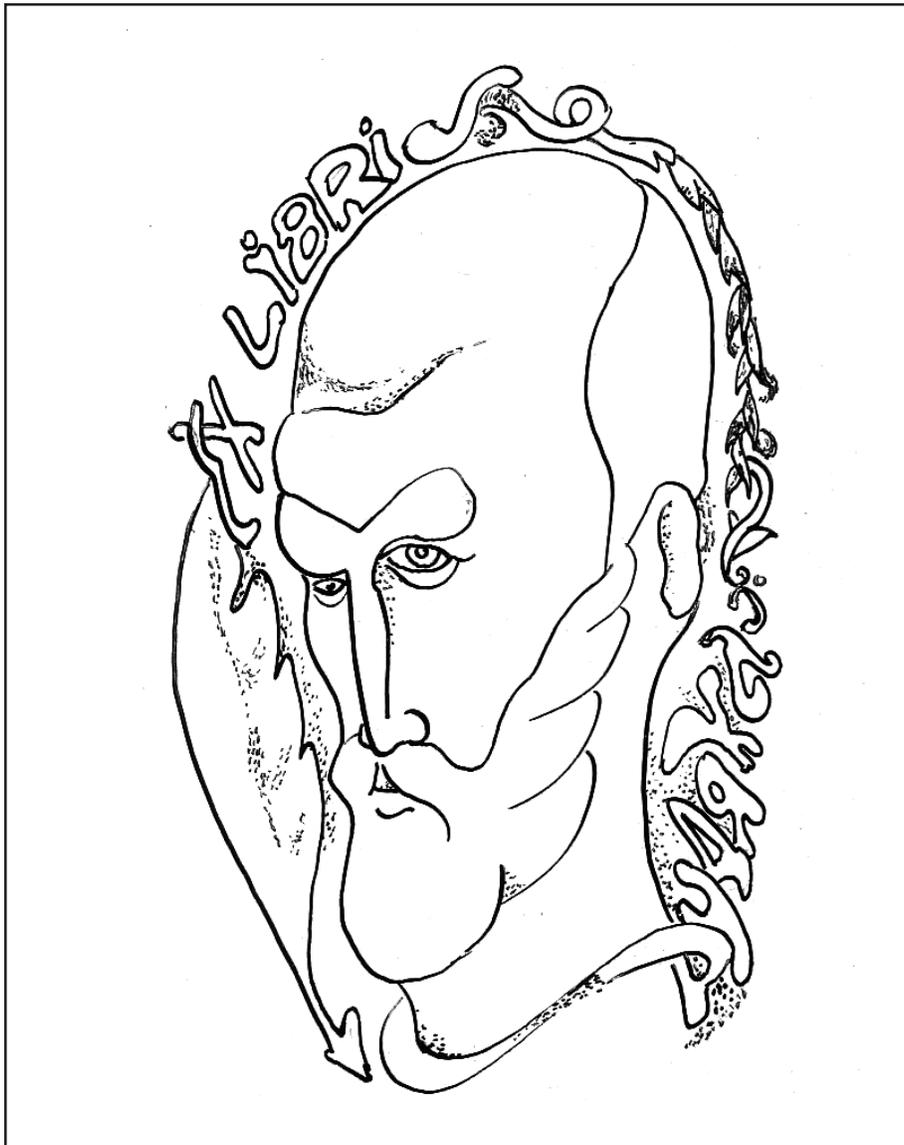

Илья Рудяк

**НАДКУСЫ
НА КНИГАХ**

 collaborative spirit
2008

Эслибрис - Марк Ройтман
Компьютерный набор - Дима Халабуда
Макет книги автора

"Надпись на книге - это как надкус на яблоке."
Неизвестный автор.

All rights reserved. Copyright © Ilya Rudiak.
2008.

Иннокентию Смоктуновскому

(на книге "Наш век" в первый приезд в Чикаго)

Какое чудо,
Что Вы оттуда!
Какое благо,
Что Вы в Чикаго!

Кире Муратовой

Будучи у нас в гостях в Чикаго, Кира рылась в книгах и увидела "Школу для дураков" Саши Соколова:
— Боже, как я мечтаю иметь ее! — воскликнула она.
Я тут же надписал ей :

Муратовой Кире —
Умнейшей в мире.
"Школа для дураков" —
От Рудяков.

Белле Ахмадулиной

На открытие “Дома книги” я пригласил Беллу Ахмадулину. Люблю ее стихи, манеру чтения, старомодную изысканность речи. Благодарная публика просила читать еще и еще. В стихах мелькала география всей России. Одна из слушательниц, пожилая учительница, спросила, а нет ли у поэтессы посвящения городу Суздали. Вопрос был неожиданный, и Ахмадулина замялась, не зная как ответить. Я решил помочь ей и повторил вопрос с другим подтекстом: — Белла Ахатовна, что ж это вы, о Суздали ничего не создали? Возникла веселая разрядка. А когда я преподносил ей свой альбом о “Пастернаке”, то задумался: а что ж ей написать. И она сама попросила:

— Илья, а вы про Суздаль и надпишите.
И увезла в Москву мою книгу с фразой:

А Вы о Суздали
Ничего не создали?

С припиской: “Суздальчанин” из Чикаго.

Позже, получив автограф от Беллы Ахатовны на ее книжке, дописал:

Автограф Ахмадулиной –
Красивый росчерк с загогулиной

Михаилу Козакову

В альбоме “Наш век” о фотографе Моисее Наппельбауме я поместил снимок писателя Михаила Эммануиловича Козакова, отца актера Михаила Козакова, очень похожего на него. Когда Михаил Михайлович побывал у нас дома, я подарил ему книгу с надписью:

Если б Мойше Наппельбаум
Прожил еще десять лет,
Он за Ваш талант и за ум
Сделал бы и Вам портрет.

Великолепный чтец, большой знаток поэзии, Михаил Козаков несколько раз прочел вслух четверостишие желая убедиться на что падает ударение в словах “и за ум”. Но как он ни пробовал, вставляя цезуру перед “ум” или опуская, слово крепко было связано рифмой с “Наппельбаум”, и он сдался и поблагодарил.

Сергею Юрскому

(на книге рассказов "Только в Одессе")

Юрскому Сергею —
Одесскому еврею.
Сергею Юрскому —
Интеллекту русскому.

- Это экспромт? — спросил Сергей Юрьевич.
- Чтоб мы так были здоровы, — поклялся я.
- Чудесно! Но почему "одесскому еврею"?
- Вы же сыграли Остапа Бендера.
- Ах, да. А разве он был еврей?
- ... Непосредственность гения.

Петру Виннику

Я знал об актере Виннике, работая еще в кино. Но познакомился с ним ближе, когда через десять лет после эмиграции впервые посетил Москву.

Оказался он необычайно трогательным, внимательным, добродушнейшим человеком, к тому же еще и одесситом. На книжке рассказов "Только в Одессе" я посвятил ему эмигрантку:

От доброты его захватывает дух,
Он - настоящий Винник-пух!

И в то же время в каком-то фильме он сыграл секретаря Сталина - Поскребышева.

Евдокии Ольшанской

В Киеве жила удивительный Человек — Евдокия Мироновна Ольшанская.

Подвижница, влюбленная в творчество Анны Ахматовой, и сама - поэт.

В крохотных двух комнатах и маленьком коридорчике все пространство заполнили фотографии, картины, рисунки, связанные с именем Анны Андреевны. На полках, в шкафах, на столах - книги, экслибрисы, афиши, программки, вырезки из газет и журналов, посвященные Ахматовой.

Это — музей, собранный энтузиасткой на пенсионные гроши еще в “застойное время”.

На моей книге “Двадцать тысяч лиц Пастернака” я оставил такую надпись:

Примечательность Киева —
Квартира Евдокиева!

Дине Виньковецкой

Бывая в Бостоне, я всегда захожу к Дине Виньковецкой — непоседливой, деятельной, гостеприимной. На этот раз одна из стен ее великолепной гостиной была увешана посвящениями ей знаменитых поэтов, включая Бродского. Зная мою любовь к каламбурам она попросила “что-то черкнуть”.
Чирикнул:

При имени Дина —
Тает льдина.

Евгению Леонову

Пейте водку,
Ешьте перцы,
Но чтоб
Не болело сердце.

Евгению Евтушенко

Я показывал в Чикагском киноцентре фильм Евтушенко "Похороны Сталина". Автор на хорошем английском рассказал о съемках, актерах, читал свои стихи. После просмотра поехали в "Дом книги". В машине мы играли в рифмы. Евтушенко признал, что я "наступаю на пятки". На что я ответил : " опять-таки обожаю грибы опятки". В магазине ему попала в руки книга "Сто сорок бесед с Молотовым" Феликса Чуева. Несусветный бред маразматика и кондового коммуняка. Но так как нас обоих интересует тема "Сталин", я рекомендовал почитать ее, хотя бы в самолете. "А вот на Феликс что ты придумаешь?", — подзадорил меня Евтушенко. Я взял книгу и написал:

Чушь, записаную вами, Феликс,
Не выдержат ни факс, ни телекс!

Эдуарду Тополю

С Эдуардом Тополем я раньше не был знаком, но оказалось, когда-то мы сидели в Одессе за одним столом... монтажным, Его срочно вызвали из Москвы спасать материал, снятый по его сценарию. И подключили к нему лучшего монтажера киностудии, добрейшую Этну Майскую, с которой я работал над фильмом "Комендат порта" по одноименному рассказу Александра Грина. Через двадцать с лишним лет я пригласил Эдуарда Тополя, известного и популярного автора детективов, в Чикаго на творческую встречу. Он оказался обаятельным человеком с седым ежиком волос на голове. Выяснилось, что он не захватил из Нью-Йорка очки для чтения. Я сказал, что недавно Евгений Евтушенко, бывший у нас в гостях, оставил свои, миниатюрные, в красивой оправе. Может, подойдут? Подошли. Красуясь в них перед зеркалом, Тополь предлагает написать по этому поводу частушку. Дал запев:

Евтушенковы очки
На носу у Тополя.

Я закончил:

Как узнали девочки —
Ножками затопали.

Юлию Киму

Для Кима для Юлия
Достойно проскулю ли я,
Что для Юлия для Кима
Моя Одесса – тоже прима?

Генриху Габаю

*(режиссеру "Зеленого фургона"
на книге "Только в Одессе")*
Я, конечно, очень загибаю,
Эту книжечку даря Габаю:
Ведь об Одессе он
Целый выпустил "Фургон".

Олегу Школьнику

Моему студийцу Школьнику Олегу -
Одесских рассказов скрипучую телегу.

Аркадию Арканову

Какое благо,
Что вижу заново
В родном Чикаго
А. Арканова.

Зорику Аврутину

Аврутину Зорику -
Земляку по дворику.

Роману Карцеву

Книга – к Роме,
И никому кроме!

Валерию Хаиту

Родному одесситу –
Валерию Хаиту.

Гарику Голубенко

Примите, Гаричек,
Книжечку в подарочек.

Эрику Штейнбергу

Штейнбергу Эрику,
Покорившему Америку.

Моей теще Розалии Моисеевне

Одессу хохм, солнца, арнаутских булок
Найдете здесь на каждой Вы странице,
И наш Авчинников короткий переулок,
Который длинно по ночам мне снится.

Василию Левину

Играет мысль без усилия,
Особенно после вина.
Шлю я книги для Василия
Николаевича Левина.

Владимиру Леечкису

Прими, дорогой Леечкис,
Мою книгу о местечке-с.

Асе Кримец–Янкович

... Одесса, Москва, Ташкент...
Кочевала по жизни телега,
Благословите тот момент,
Когда добрались в Сан-Диего.

Цецилии Новаковской

Дороги мне имя и фамилия -
Новаковская Цецилия.

Семену Гринбергу

Уважаемый Семен,
Дорогой наш Сема!
С незапамятных времен
Вы в Чикаго – дома.

Михаилу Фрейдлину

Книжнику вширь и в длину –
Михаилу Фрейдлину.

Льву Ленчику

Ровно в полшестого
Преподнес я Льва Шестова.

*Экспромты на книгах
друзьям и знакомым*

Любую книгу наверняка
Найдете вы у Рудяка!

Я вам не скажу за все Чикаго-
Но вы талант и симпатяга.

У вас до нашего Чикаго
Удивительная тяга.

Рабиновичам
Татьяне и Валерию -
Одесских шуток
артиллерию.

Все свое при Мите.
И книжечку примите.

Уважаемый Бендерский Дима -
Эта книжка вам необходима.

Настье - на счастье.

Увидев вас, Валерия Петровна,
В Россию я вернулся словно.

Нет приятнее момента -
Встретить Раю из Ташкента.

Милой Седлецкой Ганне
О море ЧерноМичигане.

От сердца
Стонами богатого -
Чудесной паре
Из Саратова.

Теймураз с Владикавказа -
Герой из моего рассказа.

Яне и Нате
Об Одессе – нате!

Для Жени Гурария –
Одесская ария.

Я встретил вас однажды в книготорге –
И был в восторге

Из Херсона Рувим -
Чистый херувим.

Женечке и Владу
Покинувшем Радянську Владу.

Читать устав Рида,
Заснула над книгой ставрида.

Добрейшая Люда!
Лучше книги – нету блюда.

Эйфоричной Поссэ Дине:
Эйфелева – сзади, я – посэредине.

Эта книга лично Фимина,
В чем расписываюсь именно.

Здесь просеян сквозь дуршлак
Колорит Одессы.
Генриетте Гампершляк
Рассказы снимут стрессы.

Для Гены и Вали –
Моим генацвали.

Из юности подарков –
Ты и Харьков.

Девушке из Харькова –
От сердца, от жаркого.

При переезде в новый дом
Вновь оперившимся птенчиком –
Валентине и Леве Ленчикам.

Ни пера, ни пуха
Желает вам мешпуха.

Михаил и Джамиля
Звучат, как ноты «ми» и «ля».

Учительнице из Улан-Удэ
Хочу быть монголом –
Голодным и голым.

Поклоннице Монтесумы
Из города Сумы.

Я вчера увидел на Кобзоне
Кепку из "Одессы на Гудзоне".

"Одессу на Гудзоне"
Читают даже в зоне.

"Моя Одесса" –
Пилюли от стресса.

Не знал в родной Одессе я,
Что в мире есть депрессия.

Сеются годы сквозь времени сито,
Но там и здесь мы – одесситы.

Звуки До-Ми-Ля
Доносятся из Гомеля.

Из Самары Марку Янину –
Доброму самаритянину.

“Цусима” –
Zu Сима.

Шахматисту

(Акростих)

Мне дорог Ваш приход,
И Ваше знание книг приятно, и
Шахматный Е-2 уход, и
Е-4 к нам обратно.

Эмигрант из России Шапиро
На староанглийском читает Шекспира.

Дорогие Фил и София!
Быть счастливым – моя философия.

Дорогим одесситам Талисам –
Хорошо, что не остались там.

Белле из Тбилисимо –
Белла-беллисимо!

Желаю Лале из Тбилиси,
Чтоб все мечты ее сбилиси.

Милейшей женщине из Тарту
Желаю выиграть гринкарту!

Дорогой тете Песе –
«Только в Одессе».

О, тетя Песя,
Моя старая песня.

Автограф на рассказе "Труп"
Вам трупно повезло!

- Не из Твери ли?
Что же там вы натверили?

В облкниготорге
Все от вас в восторге.

Ученый парень из Перьми –
Свой в лаборатории Ферми.

Владимиру из Костромы,
Где некогда бывали мы.

Милая Керри,
Керри-сестра!
Открыты двери
Для вас с утра

Глубокочитимой тете
Берте -
Эта штука посильнее Гете
"Девушки и смерти".

Легко войти в раж
Увидев тысячный тираж.

На открытках из Парижа

Чувствую, вижу -
Подхожу Парижу.
Зажимая грыжу -
Мчусь по Парыжу..
Лечу над Парижем
Мальчиком рыжим.
Здравствуй, рожа бестыжая!
Шлю привет из Парижа я.
*Грудяки в Париже. (На открытке, я и
Оля у деревянной скульптуры усеянной
грудьми.)*

Эй, Фея,
Я – у Эйфеля!

Сижу на льве,
В зубах – «Сальве»
*(Надпись на фото: “
В одесском городском саду”)*

К орлиным гнездам я забрался высоко,
Чтоб надоить Вам "Птичье молоко".

Наталии из Саратова –
От автора женатого.

Не держа в кармане фигу,
А за пазухой – камней,
Я дарю Вам эту книгу.
Отнесите строго к ней.

К Димитрию
Иду с поллитрою.

Дорогие Мила и Аркадий,
Излучающие жизни радий.
Сан Франциско
От Чикаго близко.

Средь всех племён и народьев
Редчайшая фамилия – Мелодьев.

Не отходя от кассы -
Девушке из г. Черкассы

Для москвички Лизы –
Одесские эскизы.

Для одессита Толика –
Одессы толика.

Шелле

Нет, я не Байрон, я не Шелли...
Желаю Вам, чтоб хорошели!

Роскиной Нине –
Моей поклоннице отнине.

Илье Рудяку

От политической бодяги
И всероссийских передряг
Я отдохнул душой в Чикаго
Благодаря тебе, Рудяк.

Тимур Кибиров

Среди Чикаг -
Илья Рудяк!

Анатолий Найман

Илья Рудяк обладает тремя несомненными качествами делающими его своеобразным писателем: талантом, неумной энергией и громадным чувством юмора, с особенностью любой набор слов превратить в неожиданный каламбур. Его преданность литературе проявляется многообразно. Он книги читает, пишет, издает, продает и часто раздает бесплатно. Он щедр и доброжелателен, радуется собственным удачам и не чернеет душой от чужих.

Его рассказы коротки, ненавязчивы, не поучают, но поучительны. В них есть что-то еврейское, что-то одесское из чего выросла значительная часть русской литературы.

Сам по себе он фигура необычайно колоритная, чему весьма способствует борода, делающая его заманчивой мишенью для портретистов и дружеских шаржей. Соблазна запечатлеть бороду Рудяка и того, на чем она растет не избежал и автор этих строк, но у него получился не столько

Илья Рудяк, сколько Шолом - Алейхемовский Тевье - молочник. Что наводит на предположение о родственной связи между этими персонажами.

В. Войнович
октябрь, 1996

“ Это очень важно, что у нас в Чикаго близ Эванстона есть книжный магазин, где можно найти то, что нужно любителю русского языка и литературы - а также есть человек - режиссер, писатель, юморист, в общем - личность. Спасибо, Илья - мы рады Вашей деятельности.

Профессор университета Нортвестерн,
Ирвин Вайл.

“Дорогой Илья! Спасибо Вам за этот интеллектуальный русский оазис, который согревает тем особым родным теплом, в котором так нуждаются “унесенные ветром”.

Профессор Санкт-Петербургского Университета.
Наталья Шкудрина,

Сей книголюб - мне люб. С неизменным удивлением!

Григорий Свирский, писатель.

Илья! Спасибо за то благое дело, которое вы творите.

Даруй вам, Боже, жить, и жить, и жить,
Со мной дружить, не уставать с дороги,
Даруй вам, Боже, долгого здоровья -
Все остальное около лежит.

Ваш Вадим Егоров, поэт.

“Дом русской книги” - это детище писателя и режиссера Ильи Рудяка автора книжек рассказов “Только в Одессе”, “Мы здесь и там”, “Гете в гетто”, “Прощание с местечком”. Каждый уходит из этого “Дома” одухотвореннее, богаче, счастливее.

Алекс Томашпольский

В одном из ранних рассказов Ильи Рудяка есть такой пассаж персонажа одессита: “У меня на Пересыпи стоял колбасный цех. Вас смутило, что я сказал “у меня”?”

Рудяк про себя мог бы сказать так: “У меня в Чикаго есть прекрасный “Дом русской книги”. Вас не смутило, что я сказал “у меня”?” Нет, не смутило. Это “Дом”, куда приходят не только полистать книги, но и полистать души друг друга. Хозяин по своему характеру клубный человек, и проза которую он пишет - тоже клубная. Она написана не только для молчаливого прочтения глазами, но и для прочтения вслух, Это в сущности, анекдоты, - пожалуй, самый выживаемый жанр. Но анекдоты не только выживают сами, но и помогают выживать другим. Есть анекдоты злые, циничные. Рассказы Рудяка - анекдоты лирические. Юмор Рудяка добрый. мягкий, порой даже печальный. Он не издевается над историей, он пытается улыбнуться ей и у него это получается.

Другой герой Рудяка, с невеселой насмешливостью названный “Книжник” сжег не только Алексея Толстого,

но заодно и Льва, и в ванной комнате с издевкой заказал
нарисовать стеллажи с книгами.

Рудяк - книжник в трех измерениях. Он их любит, он их
распростра-

няет, он их пишет.

Человек - триптих. Я принимаю его во всех ипостасях.

Евгений Евтушенко

Апрель 95

Благодарю я Рудяка Илюшу

За тонкую отзывчивую душу.

Сомнителен тот факт, что гений я.

Он - гений дружбы, бородач Илья.

Рассорились теперь Москва и Киев,

Рассыпался Советский весь Союз,

Все потому, что гении такие

Им выброшены, словно лишний груз.

Евг. Евтушенко:

Чикаго, 1995

В жизни много медяков,

Но так мало Рудяков.

Евг. Евтушенко

“Дом русской книги”. Ильи Рудяка - это “Дом,” куда приходят
не только полистать книги но и души друг друга.”

Евгений Евтушенко

